

5.5480

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков)
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 3 (15)

1923 г.

~~БИБЛИОТЕКА
Государственный музей
Историко-Горнозаводского
Института Р. К. П.
Петроград, Тракт, 25-го Окт., 41.~~

Для Плеханова
№ 92-118/13

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ
Музея Б. В. ЛЕНИНА
№ 1653

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

О былом и небылицах.

(Из литературного наследия Г. В. Плеханова с дополнениями Л. Дейча).

Происхождение этих заметок.

Летом 1908 года, будучи в Швейцарии, я завел, однажды, с Г. В. разговор о появившихся в предшествовавшие тому годы в журналах «Былое», а затем в «Минувших Годах», воспоминаниях Н. Морозова, Саратовца и др. лиц, сообщивших о нем разные небылицы, при чем убеждал его написать возражения, но он отказывался от этого за отсутствием свободного времени. Тогда я предложил ему отправиться со мною в горы, где на досуге, в виде отдыха, мы сообща занялись бы этой задачей. Так как Розалия Марковна присоединилась к этому моему предложению, то Г. В. на него согласился, с тем, однако, условием, что мы будем посвящать этой работе не более получаса ежедневно и что на задаваемые мною ему вопросы он тут же будет диктовать мне свои ответы.

По приезде в заранее выбранную нами чудную местность, мы занялись указанной работой: я ежедневно предварительно прочитывал Г. В. все продиктованное им мне в предыдущий день, после чего он вносил свои поправки и дополнения. Когда же эта совместная наша работа была закончена, я запросил редакцию «Совр. Мира», не согласится ли она принять ее, при чем в общих чертах изложил в письме содержание этих возражений. Но оттуда пришел несколько излишне осторожный ответ, вроде—«пришлите рукопись, там посмотрим». На это мы с Г. В. не согласились и, предвидя столь же, если еще не более уклончивые ответы со стороны других,—наших, «народнических», а также и либеральных журналов,—я нигде более не обращался, почему эти возражения и пролежали за границей целых пятнадцать лет ¹⁾. Между

¹⁾ Между прочим, на них указал Г. В. в своей статье «Неудачная история Нар. Воли», посвященной известной книге Яковлева-Богучарского.

тем, их появление в печати было бы чрезвычайно полезно: известно, что такие «беспристрастные исследователи», как покойный Яковлев-Богучарский, пользуясь в своих «исторических монографиях» «былями и небылицами», названных мною выше, и им подобных, «достоверных современников», понаписывали целые томы, которые затем удостаивались всеобщих похвал не только со стороны, в большинстве случаев, мало сведущих по истории нашего революционного движения рецензентов, но даже со стороны таких ученых, как проф. Кизеветтер.

Лев Дейч.

Берлин,
10 января 1923 г.

«Вы правы,—так начал Г. В.,—что многие из участников того времени, о котором говорите, вспоминают насчет меня то, чего никогда не было. Это у них род полемики: не имея возможности подкрепить свое мнение действительными фактами из истории внутреннего развития России, они подкрепляют его задним числом небывальными фактами из моей прежней политической деятельности. Иногда этот прием полемики, наивный по самой своей природе, принимает поистине комический вид. И не раз хотелось мне пояснить моим противникам, что невыгодно же им делать себя смешными. Но у меня решительно нет на то времени. Чего-чего другого, а противников, с которыми, может быть, и не мешало бы поспорить, у меня теперь хоть отбавляй. Со мною полемику посредством воспоминаний Н. Морозов, Ольга Любатович и др. Против меня ведет кампанию—тоже посредством воспоминаний о том, чего не было—г. Махновец. Против меня гремит по-италиански и по-французски г. Лабриола; меня разит по-немецки г. Дицген,—вы знаете, что это сын того Дицгена. На меня, если верить тому же Дицгену, идет войной г. Унтерман в Соединенных Штатах. Наконец, last not least, меня разделявают на страницах разных русских изданий Богдановы, Базаровы, Юшкевичи, Валентиновы и прочие «мыслители», имена их ты, господи, веси. Если бы у меня было столько же рук, сколько имеют изображения некоторых индийских богов, и если бы каждая из этих рук, подобно моей правой, могла держать перо, то и тогда мне едва ли удалось бы ответить всем этим господам: очень уж их много! Вот и приходится, по французскому выражению, *cougir au plus pressé*, т.-е. отвечать тем, которым, действительно, нужно ответить в настоящее время. Если кто-

нибудь на этом основании подумает, что мне нечего возразить, наприм., Юшкевичу или Валентинову, то с этим ничего не поделаешь, это—старая песнь: давно уже крыловская мышь думала, что сильнее кошки зверя нет. Но это мышьиное заблуждение не сделало кошки сильнее, чем она есть на самом деле. Так и Юшкевич и Валентинов не сделаются сильнее оттого, что какой-нибудь молодой читатель вообразит, что нет на свете философских истин более глубоких, нежели те, глашатаями которых они выступают. Оно, конечно, не мешало бы, пожалуй, вывести из заблуждения даже этого молодого человека, но у меня никогда не было охоты преподавать в подготовительном классе. Что же касается тех воспоминаний, в которых к «былому» в столь больших размерах прибавляется *не бывалщина*, то, ведь, надо же иметь в виду, что первая задача всякого историка, а следовательно, и историка нашей освободительной борьбы,— является критическое отношение к своим источникам. Тем хуже для того историка, который вздумал бы судить о моей деятельности на основании «воспоминаний» моих противников, разгорячившихся в борьбе со мною 10—20 или даже 30 лет тому назад и до сих пор не догадавшихся, что им давно пора уже остыть. Но, если вам угодно знать, как было дело в некоторых из тех случаев, о которых «вспоминают» эти недогадливые люди, то я к вашим услугам.

Прежде всего я попросил Г. В. сообщить, насколько верно Саратовец в «Мин. Год.» передал о его встрече с ним летом 1877 г., и вот что об этом продиктовал мне Плеханов:

«Приехав в Саратов, я узнал от осевших там землевольцев, что в этом городе существовала довольно значительная группа «спропагандированных» рабочих, находившихся под влиянием небольшого кружка молодых интеллигентов. Так как эти интеллигенты примыкали к лавристскому направлению, то нам предстояло притти в более или менее враждебное столкновение с ними при первых же наших попытках сближения с местными рабочими. Столкновения эти начались еще до моего приезда в Саратов, а так как, вскоре после него, мне поручено было заниматься с рабочими, то естественно, что неприятности столкновений падали на мою долю. Одно из самых крупных столкновений этого рода произошло на том собрании на Соколовой горе, о котором говорит г. Саратовец. Главным защитником лавризма явился на этом собрании один, как мне тогда показалось, довольно великовозрастный и речистый гимназист. Помнится, мы с ним

проспорили часа два или три, при чем прошлись не только по России, но и по различным странам Запада. Спорили мы, между прочим, и о германской социал-демократии, против программы и тактики которой я приводил обычные тогда среди бакунистов возражения. Мой противник защищал эту партию с точки зрения лавризма, т. е. с той точки зрения, с которой программа немецких социал-демократов представлялась в совершенно утопическом виде, а тактика принимала до последней степени филистерский вид (см. «Вперед» и прочие литературные произведения лавристов). Результатом этого «прения» бакунизма с лавризмом было то, что местная рабочая группа, а с нею и часть местного кружка интеллигентов, перешла на сторону «Земли и Воли». Само собой разумеется, что этот результат не мог понравиться моему оппоненту, но, признаюсь, мне и в голову тогда не приходило, что он сохранит свое неудовольствие в продолжение тридцати лет и отомстит мне посредством своих неправдивых воспоминаний.

«Оставляя в стороне соображения мстительного гимназиста о моей личности, я сделаю по поводу его воспоминаний и кое-какие фактические замечания.

«Во-первых, мстительный гимназист облыжно утверждает, что я именовался гражданином Николаем Ивановичем Набатовым. Вы сами знаете, что слово «гражданин» было тогда у нас совершенно не в ходу. А что касается имени «Набатова», то я его никогда не носил. Случалось мне жить с паспортом «Набалава», но это было значительно позже. К тому же вы опять хорошо знаете, что мы никогда не выступали в публике под теми именами, которые стояли в наших паспортах.

«Во-вторых, характеризуя отношение ко мне товарищей, мстительный гимназист говорит: «все землевольцы и народники, какие были в то время в Саратове, как бы молчаливо уступали ему (т. е. Плеханову. Л. Д.) первое место, рядом с В. Н. Фигнер, производившей на нас, наблюдателей со стороны, впечатление центральной фигуры в их кругу».

«По этому поводу я скажу одно: когда я находился в Саратове, В. Н. Фигнер жила в одном из уездов Самарской губ., так что видеть нас вместе мстительный гимназист не мог. Впрочем, он не мог бы видеть нас вместе даже в том случае, если бы она и я одновременно проживали в Саратове: как человек враждебный нам по своим взглядам и вообще непредставлявший нам серьезным, он не имел доступа ни на одну из наших квартир.

«В-третьих, Саратовец тоном сожаления вспоминает о том, что, когда я вынужден был уехать из Саратова, то ближайшую помощь мне в этом оказал, по его словам, «реалист Кирхнер, отдавший для спасения отечества свой единственный капитал — рублей сорок, скопленных им за лето грошевыми уроками.

«Это опять одна мстительность. Я не помню хорошенько, содействовала ли группа саратовских интеллигентов моему отъезду какими-либо денежными пожертвованиями. Очень возможно, что да. Вы знаете, что наш саратовский центр был разгромлен, обе наши квартиры провалились, и у тех из наших ближайших товарищей, которые уцелели, могло совсем не быть денег. Но, как человек, сам бывавший в переделках, Вы понимаете, что, если я и получил от саратовских революционных туземцев какую-нибудь денежную поддержку, то мне некогда было расспрашивать их о том, не слишком ли для них тяжело расстаться с теми 30—40 рублями, которые они мне вручили. Нашему брату, «нелегальному», не раз приходилось обращаться к сочувствующей и полу-сочувствующей публике за подобного рода поддержкой. Но изо всех тех сумм, которые были издержаны на «нелегальных» в подобных случаях, эти саратовские тридцать сребренников представляют собою несомненное исключение: только на их долю выпала честь быть оплаканными и при том даже не тем лицом, которое их дало, по прошествии целых 30 лет. Это поистине совершенно исключительные 30 сребренников!

«Этого довольно для характеристики не только воспоминаемый мстительного гимназиста, но, пожалуй, и его самого».

Затем мы перешли к другим, несколько более содержательным, хотя и не более правдивым воспоминаниям Ольги Любатович. Я привел Г. В. нижеследующую выдержку из ее о нем сообщения:

«Плеханов не появлялся ни разу у Малиновской все время, пока я там жила; я не встречала его также в д. Сивкова; его не видела я также и в квартире Ольги Натансон. Быть может, его не было в то время в Петербурге, а, может быть, и по другим причинам» 1).

«В чем тут дело?—спросил я.—Предположение Ольги Любатович, что Вы не появлялись на перечисленных ею квартирах «по другим причинам», дает повод думать, что между Вами и

1) См. «Былое» 1906 г., VI, стр. 220.

товарищами, собиравшимися там, напр., с Н. Морозовым, уже тогда существовали какие-либо серьезные разногласия».

На этот мой вопрос вот какой получил я от Плеханова ответ:

«Очень возможно, что между мною и Н. Морозовым тогда уже существовали какие-либо разногласия по вопросам тактики. Но подобным разногласиям в то время никто из нас еще не придавал большого значения. Весьма значительными они стали лишь несколько месяцев спустя, после провала многих членов «Земли и Воли» (ареста Оболенева, Ольги Натансон, Адр. Михайлова и др.). Провал этот в значительной степени уменьшил наши силы, и сторонники «террора» или, как тогда выражались, «дезорганизации» (правительственной власти. Л. Д.) стали утверждать, что мы слишком слабы для деятельности в народе. Что же касается собственно Н. Морозова, то, признаюсь Вам откровенно, что я лишь из воспоминаний Ольги Любатович, а главным образом, из его собственных воспоминаний, не без удивления узнал, что в среде тогдашних сторонников террора он играл первую скрипку. Я совсем не подозревал этого, да, вероятно, и не один я. Вот почему в моей памяти могли не оставить большого следа тогдашние мнения Н. Морозова. Во всяком случае не они мешали мне посещать перечисленные Ольгой Любатович квартиры,—этому мешало обстоятельство совершенно иного рода, оправдывающее другое ее предположение: меня не было тогда в Петербурге. Я был на Дону, где занимался агитацией среди казаков, волновавшихся по поводу введения у них земства, означавшего сильное сокращение их самоуправления. В Петербург я вернулся, несколько дней спустя после провала квартиры в д. Сивкова, в которой еще продолжала сидеть полицейская засада. Так как Софья Перовская в Харькове указала мне на эту квартиру, как на безопасный конспиративный путь, куда я должен был прежде всего обратиться за справками, то я чуть было не попал в эту засаду. Меня спасло одно, можно сказать, совершенно непредвиденное обстоятельство. Когда я на Николаевском вокзале в Петербурге заглянул в свой кошелек, то увидел, что у меня осталось не более двугривенного, а за эту цену извозчик не хотел везти на Царскосельский проспект, где находилась квартира Малиновской. Пришлось ехать на Малую Итальянскую к покойному теперь А. А. Ольхину, который, услышав от меня, почему я не поехал на Царскосельский проспект, с пафосом воскликнул: «Ваше безденежье спасло Вас от ареста».

«В Петербурге, вследствие погрома, я нашел дела в страшном беспорядке, чему доказательством служит то обстоятельство, что из провинции наши товарищи, неизвещенные о петербургском провале, продолжали направлять людей, и в том числе, конечно, очень нелегальных, на квартиру, уже находившуюся во власти полиции. Я обратился к Кравчинскому и, узнав от него, что никаких мер для предупреждения провинциальных товарищей о провале принято не было, настоял на немедленном поправлении этой оплошности, которую мы, землевольцы, могли простить только нашему милому Сергею, при своем рыцарском характере и отчаянной смелости отличавшемуся самой крайней непрактичностью,—и телеграммой вызвал из Ростова Александра Михайлова, отправившегося туда на соединение со мной. С его прибытием дела стали понемногу налаживаться, но сам он, под впечатлением петербургского провала, сильно изменил свои тактические взгляды: прежде он безусловно стоял за агитацию в народе, а теперь стал доказывать, что у нас нет для нее сил и что нам нужно сосредоточиться на терроре. Я шутя говорил ему, что он ошибается подобно «Новому Времени», твердившему: «наше время—не время широких задач».

Лица, читавшие воспоминания Н. Морозова, печатавшиеся сперва в «Былом» и др. журналах и впоследствии появившиеся отдельным изданием в виде «Повестей моей жизни», помнят, вероятно, «бурную сцену», произошедшую по поводу сообщения Александра Михайлова о намерении одного приезжего совершить покушение на царя. «Народники,—рассказывает там Н. Морозов,—с криком требовали, чтобы не только не было оказано никакого содействия приехавшему, но, чтобы он сам был схвачен, связан и вывезен из Петербурга, как сумасшедший»... Плеханов будто бы требовал тогда, чтобы Михайлов сообщил собравшимся фамилию приехавшего, на что Михайлов не согласился. Кто-то воскликнул, что это Гольденберг; тогда,—сообщает Морозов,—один из его единомышленников «почти тотчас побежал предупредить Гольденберга, что ему грозит в Петербурге большая опасность, что он должен немедленно уехать на некоторое время в провинцию».

По этому поводу Г. Плеханов сообщил мне следующее:

«Я прекрасно знал от Михайлова, что план этот должен быть приведен в исполнение не Гольденбергом, а Соловьевым. Когда я объявил Михайлову, что я против указанного плана и что на общем собрании петербургских членов «Земли и Воли»

я потребую, чтобы они воспретили Соловьеву привести в исполнение свое намерение, Михайлов мне ответил: «Вы забываете, что Соловьев был членом самарской группы, которая, будучи автономной, не обязана подчиняться нашим решениям; притом Соловьев вышел даже из самарской группы, так что он теперь вольный казак». Этот мой разговор с Михайловым я очень хорошо помню. В моей памяти не сохранилось, правда, ни одной сцены передачи мною этого разговора с Михайловым кому-нибудь из моих тогдашних единомышленников: М. Р. Попову, В. Н. Игнатову. Но так как у меня не было решительно никаких оснований скрывать его от них, то я уверен, что и они не принимали Гольденберга за исполнителя задуманного предприятия и что, следовательно, ему не могла грозить с их стороны никакая опасность, даже в том случае, если бы им вообще могла притти в голову хоть одна из тех мер, о которой говорит в своих воспоминаниях Н. Морозов. Я категорически утверждаю, что о таких мерах в нашей среде не было и речи. Что касается собственно того собрания, о котором говорит Морозов, то оно, несомненно, было очень бурное. Точнее сказать, оно стало очень бурным, после того как выяснилось, какие препятствия поставит на пути нашей деятельности попытка Соловьева. Так, напр., решено было, что, ввиду неизбежного белого террора, наша типография должна будет временно перестать функционировать и что все нелегальные должны будут уехать из Петербурга, а это последнее решение означало, что должны будут прекратиться наши «занятия» в петербургской рабочей среде. Это решение подействовало на нас очень тяжелым образом. Я помню, что я сказал: «под влиянием ваших затей наша организация вынуждена покидать одну за другой наши старые области деятельности, подобно тому, как Рим покидал одну за другой свои провинции, под напором варваров». Само собой разумеется, что подобная оценка «дезорганизаторских» приемов борьбы ¹⁾ не могла нравиться сторонникам этих приемов и, само собой разумеется, что в пылу спора наши противники с своей стороны не очень стеснялись в оценке наших стремлений. Повторяю: собрание было очень бурное. Но о Комиссарове не было речи. Один из народников сказал, что ввиду того вредного влияния, которое окажет на нашу деятельность новая попытка «дезорганизаторов», он предупредит ее (помнится

¹⁾ Напоминаю читателям, что «террор» тогда назывался «дезорганизацией правительства». Л. Д.

мне, что он сказал: готов предупредить ее, но ручаться за это не могу), посоветовав письмом тому высокопоставленному лицу, на жизнь которого готовилось покушение, не выходить из дому. В ответ на это кто-то из «дезорганизаторов»,—если память мне не изменяет—Квятковский,—воскликнул: «Это донос, мы с Вами будем поступать как с доносчиками!»—«То-есть как,—спросил М. Попов,—не хотите ли вы нас убивать? Если так, то не забывайте, что мы стреляем не хуже вас». В этот момент наша внутренняя буря достигла своего апогея. Я пытался успокоить Попова; некоторые «дезорганизаторы» успокаивали Квятковского. Но я не знаю, скоро ли удалось бы нам это, если бы в это время не раздался сильный звонок.—«Господа, полиция!»—воскликнул Михайлов.—«Мы, конечно, будем защищаться?»—«Разумеется!»—единодушно отвечали ему как «дезорганизаторы», так и «народники». Каждый из присутствовавших вынул из кармана револьвер и взвел курок, а Михайлов медленно и спокойно пошел в переднюю, чтобы отворить дверь. Еще минуту—и раздался бы залп, но тревога оказалась ложной: Михайлов вернулся с известием, что звонил дворник, явившийся в совершенно неурочное время по какому-то делу. Однако эта ложная тревога сослужила нам ту службу, что положила конец бурным сценам. Скоро после нее собрание спокойно разошлось. Но мы, народники, шли по домам, унося с собой то убеждение, что старое, некогда образцовое единство общества «Земля и Воля» было разрушено и что теперь каждое направление пойдет своей дорогой, не заботясь, да уже и не имея нравственной возможности заботиться об интересах целого».

После этого замечательного собрания, столь живо изображенного Г. Плехановым, и вскоре затем произошедшего покушения Соловьева, между членами общества «Земля и Воля», как известно, действительно, установились самые натянутые отношения. Все признавали, что необходим выход из создавшегося тяжелого положения. В данном случае, как и во всех решительно других в ту эпоху,—Н. Морозов,—в собственном лишь его изображении явился главным действующим лицом: «я,—повествует он,—стоял за то, что, если разрыв, как это выяснилось вчера, стал неизбежен, то самое лучшее окончить его, как можно скорее». Квятковский и Михайлов «присоединились» к нему, Морозову. В действительности было несколько иначе, но это теперь не суще-

ственно. Важнее другие его утверждения; так, напр., его неправильное сообщение о знаменитом съезде землевольцев в Воронеже.

Как и всюду, Н. Морозов, конечно, и там играл — повторяю, в его изображении — главную, первенствующую роль: он там говорил, читал, разъяснял. Все взоры были устремлены на него, все его поступки были одобрены и пр. и пр. Но на этом также не стоит долго останавливаться: приятно человеку, много потом испытавшему, воображать, будто в молодости он был первым лицом, когда решительно никто из его товарищей, за исключением только его жены, этого не замечал, — ну, пусть утешается. Любопытнее всего, как он изображает происходившие на этом съезде дебаты.

После прочтения им соответствующего места из «Листка Земли и Воли», Плеханов, — по его словам, — спросил: «это ли наша программа? А когда Фроленко воскликнул, что «так именно и нужно писма?» передовые статьи в революционном органе», Плеханов побледнел, как полотно, и сказал: «неужели, господа, вы все так думаете»? Не нашлось ни одного голоса, который осудил бы мою статью, до такой степени мысли, выраженные мною в ней, были подготовлены жестоким гонением того времени на всякую попытку деятельности в народе. Кто-то сказал: „в нашей старой программе «Земли и Воли» допускается на равных правах, как политическая деятельность в городах, так и пропаганда социальных идей в народе“. Все, за исключением четырех, согласились, что это так и должно быть и что в моих статьях нет никаких противоречий со старой программой общества... Плеханов некоторое время стоял молча. Отношение деревенских членов «Земли и Воли» к новому направлению было для него, очевидно, совершенно неожиданно. — «В таком случае, господа, — сказал он глухим и печальным голосом, — здесь мне больше нечего делать. Прощайте!» Мне казалось, что он с усилием держится на ногах».

Так, по словам Морозова, в первый же день съезда произошел разрыв Плеханова с товарищами. Послушаем теперь, что продиктовал мне Плеханов по поводу этого изображения нашего правдивого автора «Повестей» его «жизни».

«В воспоминаниях Н. Морозова о Воронежском съезде слишком сильно дает себя чувствовать та ошибка, которая лежит в основе всех его воспоминаний о том времени: он ошибочно считает себя центральной фигурой в среде тогдашних «дезорганизаторов». Вот почему он думает, что, если бы стали исключать из общества

«Земля и Воля» «дезорганизаторов», то первой жертвой этой строгой меры сделался бы он, Морозов. На самом деле, ни о каком исключении «дезорганизаторов» не было и речи, и тем менее могла быть речь об исключении Морозова, роль которого в наших глазах всегда была второстепенной, если не третьестепенной. Правда, что на съезде мы хотели поднять вопрос о том, насколько соответствует программе нашей организации направление некоторых статей, напечатанных Морозовым в «Листке Земли и Воли». Направление это выражалось одной его фразой: «террор есть революция в действии» (цитируя на память, ручаюсь за смысл, но не за отдельные слова). Мы, разумеется, не могли согласиться с этим. Хотя у Морозова речь шла собственно о завоевании политической свободы, но и в этом случае задача революционного действия,—если уж признавать таковое, что резко противоречило нашему тогдашнему бакунизму,—представлялась нам гораздо более широкой. Я возражал Морозову, что на кончике кинжала нельзя утверждать здания парламента. Я и некоторые другие мои единомышленники надеялись, что нам удастся привезти из Воронежа резолюцию, осуждающую такое неслыханно-узкое понимание революционного действия. Но никому из нас не приходило в голову добиваться исключения Морозова за эту фразу. Если он опасался этого, то это был напрасный и притом поистине фантастический страх.

«Оставляя в стороне драматизм той части морозовского повествования, в которой говорится обо мне, я замечу, однако, вот что: Морозов, как нельзя больше, ошибается, воображая, что я ехал на Воронежский съезд с уверенностью в победе. Нет, этой уверенности у меня тогда не было: я слишком хорошо знал наших народников. Позиция «дезорганизаторов» была сильна именно своей односторонностью. Тому, кто убежден, что «террор есть революция в действии», так же трудно запутаться в противоречиях, как трудно было запутаться в них тому администратору, который твердил одно слово «жарь!». Наши народники не отличались такой односторонностью. Но беда их в том и заключалась, что их тактическая многосторонность была совершенно *эклети-ческой*: они признавали и террор и агитацию в народе, совершенно не замечая того, что при данных условиях надо было выбирать или агитацию в народе, или террор, который грозил поглотить все наши силы и средства. Я видел этот тактический эклектизм наших народников и понимал, что при его наличности нечего и думать о том, чтобы привезти из Воронежа решительное осужде-

ние террора. Вопрос для меня сводился лишь к тому, чтобы свести до возможного минимума затрачиваемые на него силы и средства. Поэтому мое положение совершенно лишено было того трагизма, который видит в нем теперь задним числом Морозов. Впрочем, Морозов—поэт...

«Замечу кстати, что меня очень поражает следующая фраза Морозова: «я считаю этот способ ¹⁾ допустимым только в периоды политических гонений, когда всякие другие средства борьбы с произволом являются практически невозможными. Как только будет обеспечена свобода слова и низвергнут абсолютизм, сейчас же нужно будет действовать убеждением» (стр. 17).

Если Морозов думал, что наши разногласия выражаются антитезой: или террор, или убеждение, то он просто-на-просто ничего не понимал в тактике общества «Земля и Воля». Это общество было обществом *бунтарей*, стремившихся вызвать путем *агитации массовое движение* в народе. Стало быть, спор между нами мог быть выражен формулой: или агитация в массе, или террор. Но об этом до сих пор забывают те, которым хочется изобразить тогдашних «народников» в виде «культуртрегеров».

«Возвращаясь к моему поражению на Воронежском съезде, замечу, что еще до приезда в Воронеж наших «дезорганизаторов», я почти не сомневался, что мне придется понести его. Как вели себя наши народники, покажут следующие два факта: Покойный Преображенский был тогда ярким народником и в качестве такового противником террора. Естественно было, поэтому, что мы ожидали от него на съезде энергичной поддержки в нашей борьбе с «дезорганизаторами». Однако он на съезд не явился. Почему? Потому, писал он нам, что у него завязалось интересное дело с либералами, и он считал необходимым продолжать его во что бы то ни стало. Вы спросите, какое значение могли иметь либералы для человека, который, в своем качестве правоверного народника, отрицал террор именно потому, что он был одной из разновидностей политической борьбы? На это я вам отвечу, что тут действительно нет ни одного атома логики, но что именно логики-то и не доставало в эклектических рассуждениях о тактике большинства тогдашних наших народников. Другой пример: Когда я заговорил с Николаевым о том, что нам надо высказаться против террора, так как террор грозит поглотить все наши средства и силы, и тем заставит нас отказаться от нашей агитационной дея-

¹⁾ То-есть «террор». Л. Д.

тельности в крестьянстве, то он с жаром принялся успокаивать меня: «Напрасно ты беспокоишься,—говорил он.—Как можно нам отказаться от наших старых задач? Вали валом по-прежнему, вот и все». И как я ни старался показать ему, что «дезорганизаторы» вовсе не расположены «валить валом по-прежнему»,—он, что называется, «ухом не вел». «Это тебе так кажется»,—возражал он. Я знал, что мне не только «кажется», но вместе с тем я видел, что от Николаева энергичной и последовательной поддержки нам не дожждаться. Да и от одного ли Николаева? Покойная С. Перовская говорила, что в принципе она не одобряет террора, но раз начатые террористические предприятия должны быть закончены. Тщетно возражал я ей, что мы не можем закончить эти предприятия иначе, как отказавшись от всякой деятельности в крестьянстве, она до конца съезда держалась своего эклектического взгляда. И так было почти со всеми. Можно ли было при таких обстоятельствах рассчитывать на победу?

«Повторяю, я был вполне готов к поражению. Самая сильная опасность для нашей старой тактики заключалась, по моему тогдашнему мнению, не в том, что могли возразить против нее «дезорганизаторы», а в том, что большинство народников совершенно не понимало, какие решения должны быть приняты на съезде для защиты этой тактики. Если память меня не обманывает, то я еще до приезда террористов из Липецка решил, что я выйду из «Земли и Воли», если народники не откажутся в Воронеже от своего вредного эклектизма. Положение дел было таково, что надо было отказаться или от террора, или от агитации в народе. Террористы поняли это и потому отказались от агитации. Народникам тоже следовало понять это и отказаться от террора. Но они этого не понимали и потому продолжали «признавать» и террор, и агитацию. Именно потому они не решились осудить мысль Морозова о том, что «террор есть революция в действии». Но как бы там ни было, а мысль о выходе из «Земли и Воли» вовсе не явилась в моей голове так внезапно, как это можно подумать на основании воспоминаний Морозова. Выход этот был для меня заранее обдуманном средством подтолкнуть народников к более решительной борьбе с террористами. И дальнейшие события показали, что этот мой расчет не был ошибочен.

«Кстати, Морозов, считая себя центральной фигурой в среде тогдашних террористов, изображает дело так, как будто все события на съезде расположились именно вокруг этой центральной фигуры: люди приехали и, собравшись на одном из лесистых

островов р. Воронежа,—замечу мимоходом, что таких островов я не помню,—обсудили вопрос о писаниях Морозова, а потом, одобрив эти писания, приступили к выбору редакции, администрации, передав все той же центральной фигуре на хранение «печатать» и пр. ¹⁾ Действительный ход событий на съезде был гораздо сложнее и рассуждали мы, конечно, не только о статьях Морозова. То собрание, на котором заговорили об этих статьях и на котором я заговорил о своем выходе из «Земли и Воли», происходило в роще, называемой «Архиерейским садом» (а может быть, и Архиерейской рощей), а до него у нас уже было несколько собраний на островах, но не на лесистых, а песчаных р. Воронежа. На этих собраниях обсуждались самые серьезные вопросы нашего тогдашнего движения, и мне очень жаль, что эгоцентризм Морозова помешал ему изложить наши споры в своих воспоминаниях. Что касается меня, то я не могу более распространяться здесь о Воронежском съезде и отсылаю вас к книге Аптекмана «Общество Земля и Воля в 70-х годах.

«Еще одно. Может быть, мы и выставили на съезде новых кандидатов в члены нашего общества, но мы не привозили их с собой в Воронеж, как это сделали наши запасливые противники.

Последнее замечание Плеханова будет многим, вероятно, не вполне понятно. Дело в том, что Морозов в своих воспоминаниях сообщает, как «дезорганизаторы», т.-е. он со своими единомышленниками, составили тайное общество в тайном же обществе. Собравшись перед приездом в Воронеж, предварительно в гор. Липецке, о чем не знали их сотоварищи по «Земле и Воле» «народники»-«дезорганизаторы» образовали террористическую группу, которую назвали «Исполнительным Комитетом». В этот комитет они приняли несколько лиц, не входивших в общество «Земля и Воля». Трех из этих новых членов, сообщает Морозов,—на этот раз, вероятно, правильно,—отправляясь в Воронеж на заседание, мы оставили невидимо в ожидании» а затем, когда заседание съезда открылось, Михайлов предложил принять их в общество «Земля и Воля», «так как, — пишет Морозов, — нам хотелось иметь для себя побольше сторонников». Не подозревавшие этого якобинского или нечаевского со стороны своих давних товарищей маневра, «народники» также подали голоса за этих

¹⁾ Я, сообщает Морозов, «по-прежнему был оставлен хранителем печати и всех документов общества, а также денежных его сумм; редактирование журнала «З. и В.» было снова поручено мне и Тихомирову» и т. д.

тайных уже сочленов «дезорганизаторской фракции» внутри «З. и В.», и таким образом они сами усилили позицию на съезде своих противников. Но Морозов в своих воспоминаниях утверждает, будто и «народническая группа тотчас же предложила принять троих и с их стороны», которые будто бы «тоже уже ждали по другую сторону леса». Верность этого-то последнего сообщения и отрицал выше Плеханов. Насколько помню рассказы разных лиц и сложившиеся затем обстоятельства, о чем со временем изложу подробно,—я утверждаю, что прав был Плеханов.

Много еще других небылиц повывдумывал этот «беллетрист», но мы с Г. В. ограничились лишь вышеприведенным, находя утомительно скучным уделять даже и по получасу ежедневно опровержению этих пустяков.

* * *

Много общего с приемами вышеназванных мемуаристов можно увидеть также и в воспоминаниях покойного В. Махновца Акимова, озаглавленных: «Первый съезд Р. С.-Д. Р. П.». Уже с первых его слов легко убедиться в изумительной правдивости этого современника:

«Социал-демократическое движение в России проявилось одновременно и самостоятельно в разных концах России. В середине 80-х г.г., т.-е. ко времени окончательной гибели народовольческих организаций, мы находим уже целый ряд социал-демократических групп в России, а именно: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и т. д. Кроме того, в Швейцарии образовалась русская социал-демократическая группа «Освобождение Труда», ставшая теоретическим выразителем этого движения. Так как она одна могла говорить среди наступившей в самой России тишины, после поражения «Народной Воли», то многие, и в том числе она сама, считали ее родоначальницей всего социал-демократического движения в России («Мин. Г.», II, стр. 128—168).

По прочтении этих строк, я первое время был чрезвычайно поражен: «каким образом,—думал я,—мог В. Махновец до такой степени извратить былое?» По его утверждению, выходит, будто группа «Освоб. Труда» возникла лишь в середине 80-х годов, когда во многих городах России уже существовали социал-демократические кружки. Как социал-демократ, он не мог не знать, что в действительности группа эта возникла в 1883 г. и что тогда на родине не было еще ни единого социал-демократического

кружка. Зачем же понадобилось этому «повествователю» так извратить историю той партии, к которой он и себя причисляет? Ответ на этот вопрос не трудно найти в статье В. Махновца, из которой мы заимствовали приведенную выше цитату. Так как в дальнейшем изложении он касается обстоятельств, последовавших после моего осуждения на каторгу, то я также обратился к Г. Плеханову за разъяснениями, и вот что он мне ответил о В. Акимове:

«Оставьте в покое этого человека, вспоминающего о тех моих поступках, очевидцем которых, по собственному его признанию, он не был. Т а к «вспоминают» только люди, в просторечии иногда из вежливости именуемые «беллетристами». Но вы ведь не собираетесь взять на себя роль художественного критика? Стало быть и не о чем толковать».

Этим и ограничиваются возражения, продиктованные мне Г. В. Но, как я уже сказал, не потому, что ими исчерпываются все «небылицы», которые были написаны разными «беллетристами»,—их столько, что буквально опровержение всех потребовало бы целые фолианты.

У многих читателей может возникнуть вопрос, каким же образом редакторы исторических журналов и других изданий помещают явный вздор, подобный воспоминаниям вышеназванных лиц?

В этих случаях действуют многие причины, а именно: недостаточное знакомство редакторов с нашим революционным прошлым, ошибочный взгляд их вообще на мемуары и их авторов, нередко также кумовство, небрежное, а то и недобросовестное отношение к предлагаемым им материалам и т. д. По этому поводу в моем распоряжении имеются довольно обширные иллюстрации, с которыми в свое время надеюсь познакомить читателей.

Л. Д.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ.

	<i>Стр.</i>
П. Н. Лепешинский. Красивый финал красивой жизни	1
Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней (1887—1892 г.г.).	3
Г. В. Плеханов. О былом и небылицах (с дополнениями Л. Дейча).	29
В. Невский. Январские дни 1905 г. в Екатеринославе и Донецком бассейне	45
И. Волковичер. Отклики Ленских событий в Москве	66
С. Лившиц. Казанская с.-д. организация в 1905 г. (окончание).	92
А. Шляпников. Социал-демократия и война (1914—1917 г.г.).	178
В. Яковлева. Партийная работа в Московской области в период февраль — октябрь 1917 г.	196
И. Юренев. Двинск (1907—1908 г.)	205
П. Лебедев. К истории Саратовской организации Р. С.-Д. Р. П. (1901—1902 г.г.)	227

II. МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ.

Приложения к ст. И. Волковичера	251
«К истории Казанск. с.-д. организации в 1905 г.» (Приложения к ст. С. Лившица)	263
Приложения к ст. А. Шляпникова.	272

III. БИБЛИОГРАФИЯ.

А. Шл.-в. «Накануне Великой Революции».	299
Р. Хаббас. «Путь к октябрю».	300
К. Рябинский. «Октябрьская революция». Харьков. 1922 г.	303
Г. Лелевич. «Красный Архив». Т. II.	309
В. Невский. «Летопись Революции», кн. I. Берлин.	314
А. Елизарова. «Былое», № 21, 1923 г.	323
Г. Лелевич. «Каторга и ссылка», № 5.	325
П. Федорович. «Современник», кн. I.	328
А. Шудкевер. С. Я. Вольфсон. «Великий социалист» (очерк жизни Плеханова).	332
П. Ф. И. И. Вороницын. «Из мрака каторги».	334
Г. Лелевич. Ген. Курлов. «Гибель импер. России». — «Конец русского царизма».	336

	<i>Стр.</i>
А. Казовская. «Коммунист. Путь», №№ 9, 11, 12. 1922. г. Казань.	339
К. Остроухова. Роман Гуль. «Ледяной поход (с Корниловым)».	342
Н. Авдеев. Сергей Штерн. «В огне гражданской войны».	344
Л. Чесник. Л. Троцкий. Война и революция.	347

IV. МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ.

Дед. Из воспоминаний о Н. Э. Баумане.	352
---	-----

Вокруг органов испартовской работы.

Томское бюро Испарта.	356
Иваново - Вознесенское бюро.	359
Царицынское бюро.	362
Донское бюро.	363
Тамбовское бюро	366
Из писем в редакцию	367
От редакции	369